

Рассказывают писатели... Планы на новый, 1954 год

работы. Готовлю юмора. КИШИНЕВ

В содружестве с художником Б. Ефимовым подготовил к печати значительно расширенное издание книги «Взгляд на лица»... Сергей ВАСИЛЬЕВ

В 1954 году я буду продолжать работу над вторым томом романа «За правое дело»... В. ГРОССМАН

Буду работать над сценариями для детских комедийных кинокартин... Н. СОСОВ

К новому, 1954 году я закончил 2-ю (заключительную) книгу романа «Карпаты»... С. СКЛЯРЕНКО

Кроме того, я много занимался переводами на украинский язык произведений писателей братских народов СССР... М. ТЕВЕЛЕВ

В 1954 году надеюсь завершить новый исторический роман о далеком прошлом Украины... КИЕВ

Прошедший год был годом встреч с читателями романа «Свет ты наш, Верховина»... УЖГОРОД

Недавно я закончил работу над книгой критических статей «Развитие литовской советской литературы»... Вильнюс

В 1954 году выйдет в свет новый сборник моих рассказов «Утро будет погожим»... Ионас ШИМКУС

Мы приглашаем мальчиков из соседней школы. У нас дружба с восьмого класса... Ионас ШИМКУС

Значит, по официальной форме? Даже по билетам. Билет на класс... Ионас ШИМКУС

Моя знакомая вдумалась. Ей, видно, вспомнилась какой-нибудь похожая случай... Ионас ШИМКУС

— Нет, я серьезно спрашиваю. Представьте себе, светлое чувство... Ионас ШИМКУС

— Нет, вы меня не поняли. Нежелательно, потому что может быть драка... Ионас ШИМКУС

— Нет, я серьезно спрашиваю. Представьте себе, светлое чувство... Ионас ШИМКУС

— Нет, вы меня не поняли. Нежелательно, потому что может быть драка... Ионас ШИМКУС

— Нет, я серьезно спрашиваю. Представьте себе, светлое чувство... Ионас ШИМКУС

— Нет, вы меня не поняли. Нежелательно, потому что может быть драка... Ионас ШИМКУС

— Нет, я серьезно спрашиваю. Представьте себе, светлое чувство... Ионас ШИМКУС

— Нет, вы меня не поняли. Нежелательно, потому что может быть драка... Ионас ШИМКУС

— Нет, я серьезно спрашиваю. Представьте себе, светлое чувство... Ионас ШИМКУС

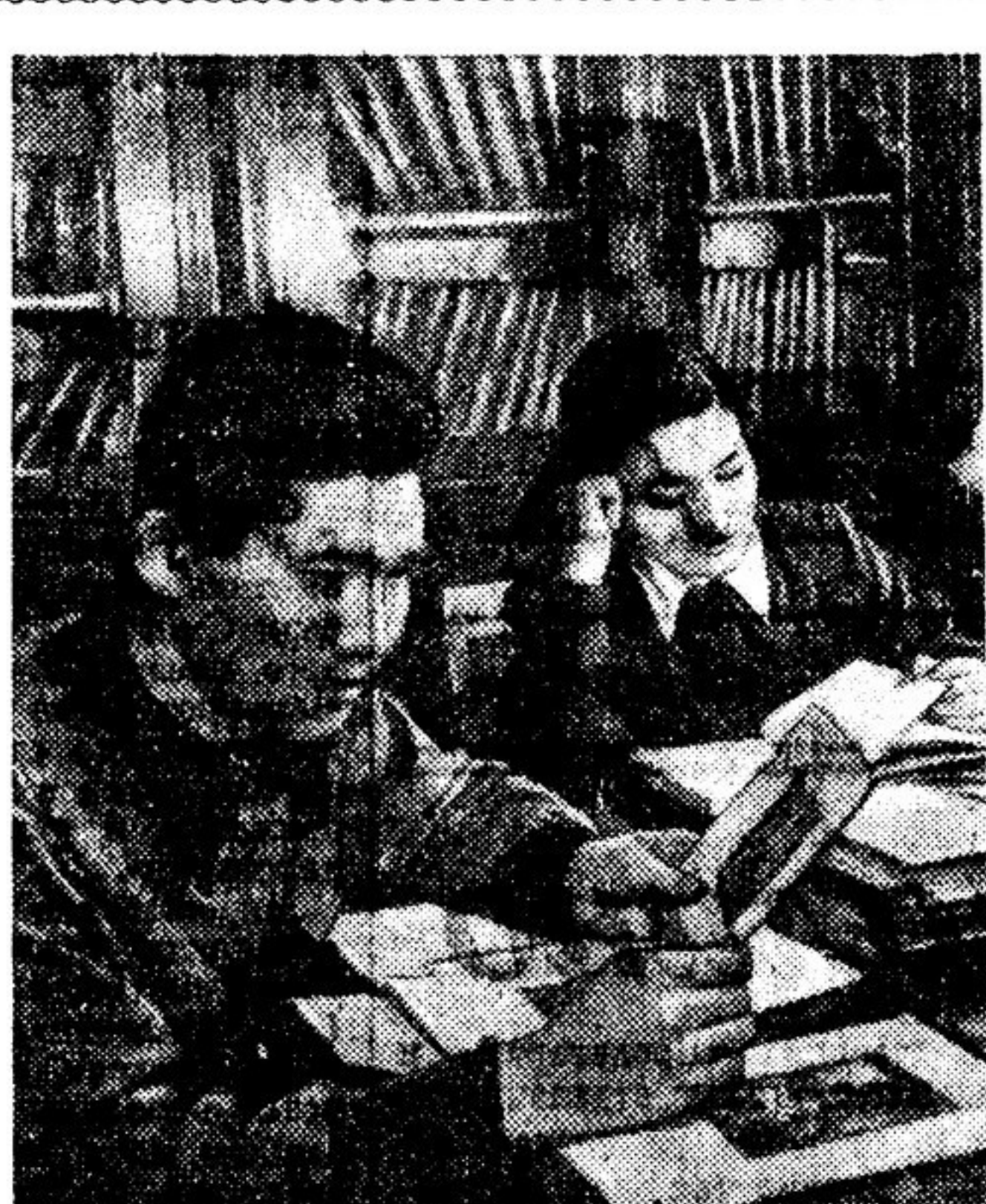
— Нет, вы меня не поняли. Нежелательно, потому что может быть драка... Ионас ШИМКУС

— Нет, я серьезно спрашиваю. Представьте себе, светлое чувство... Ионас ШИМКУС

— Нет, вы меня не поняли. Нежелательно, потому что может быть драка... Ионас ШИМКУС

— Нет, я серьезно спрашиваю. Представьте себе, светлое чувство... Ионас ШИМКУС

— Нет, вы меня не поняли. Нежелательно, потому что может быть драка... Ионас ШИМКУС

библиотеки Казахской ССР им. А. С. Пушкина в г. Алма-Ата. Студенты Е. Айтаганбетов и Г. Умурзаков. На правом снимке — урок рисования в Московском архитектурно-строительном техникуме...

Овладевая знаниями, учись — без этого немислимо движение вперед. И нет в нашей стране уголка, где бы не учились советские люди...

П И С Ь М А В Р Е Д А К Ц И Ю

Донбассу — собственную полиграфическую базу!

Мощная и первоклассная по своему техническому уровню промышленность давно гонимая Донбассу славу индустриальной жемчужины Украины...

В городе Сталино имеется издательство. Объем его работы растет из года в год: выпускается альманах «Литературный Донбасс»...

Конечно, в этом нередко бывает повинно и само издательство, где все еще неудовлетворительно работают над рукописями, слаба корректура, техническое редактирование и т. п.

Так, сборник стихов Героя Советского Союза Б. Котова, не превышающий 3,5 авторского листа...

Мы думаем, что индустриальному Донбассу пора, давно пора иметь собственную полиграфическую базу.

ПИСАТЕЛИ: П. БАЙДЕБУРА, П. БЕСПОКАСОВА, А. КЛОЧЬЯ, Л. ЧЕРКАШИНА, П. ШАДУР

СТАЛИНО

От „А“ до „О“...

В 1941 году, накануне войны, вышел 13-й том «Технической энциклопедии». Набранный в том же году в Ленинграде 14-й том был разослан подписчикам в 1944 году...

Читатели технической литературы вынуждены ограничивать свои энциклопедические вопросы лишь терминами, начинающимися от буквы «А» до буквы «О»...

В Главлите развозят руками и говорят: «Неизвестно, что и как будет. До войны существовала специальная редакция технической энциклопедии Гостехиздата ОГИЗ РСФСР»...

Кроме того, убеждают в Главлите, техника так быстро движется вперед, что сейчас уже не имеет смысла заканчивать издание «Технической энциклопедии»...

Ничего, однако, не слышно пока о выпуске подобных изданий. Да и нужны ли они? Доводы о том, что не следует заканчивать издание «Технической энциклопедии», не верны.

С развитием в нашей стране науки и техники происходит как бы вторжение одних отраслей техники в другие, и не только в смежные, но часто даже в весьма отдаленные отрасли.

Техническая интеллигенция жлет выпуска «Технической энциклопедии». Давно пора решить вопрос об этом издании и удовлетворить законные требования подписчиков.

Г. ВАСИЛЬЕВ, инженер

МОСКВА

Настоящее и поддельное

Николай АТАРОВ

серьезней, сказала она и повторила со вздохом: — Темный лес...

Бывает так, что в словах, услышанных мимоходом, что-то трепещет тебя за живое и долго не отпускает.

Эти заметки и есть размышления влху. Они, естественно, не могут охватить всех вопросов коммунистического воспитания в школе.

Недавно на испуге двух школ о дружбе и товариществе я видел, как вышел на кафедру решительный молодой человек лет шестнадцати и сказал:

Видно, то была смелая речь, если потребовала такого вступления. Ораторы составлялись в цитатной аргументации. А он заговорил о себе, о товарищах.

Вы догадываетесь, вероятно: он действительно влюблен, и как-то удивительно хорошо и чисто. Вот уже год он и учится, можно сказать, вдохновенно и так же участвует в общественной жизни.

И я думаю, что эти сложности не объяснить так просто, милая усталая женщина на улыбнулась.

— О, это темный лес для нас, — по-родителя и дети. Мы, педагоги, в особенности. С нас и спрос, а нам бы и посочувствовать. Конечно, не всем. Далеко не всем...

— Я тебя видела, ты гуляла с мальчиком! Не врешь! — У тебя девочки один в голове! — Уж не любовь ли у вас!

Самое удивительное то, что некоторые классные руководители, произнося такое, не понимают, как далеко это от подлинного воспитания.

Хотят воспитывать нравственность — воспитывают лицемерие, ханжество. Хотят воспитывать любовь, но отвлекают лишь от чистого, серьезного в любви. Сдерживают чистые увлечения и развешивают цинизм.

«Не смей гулять с мальчиком...», «Выбрось девочку из головы...», «Все твои подружки — глупости сплошная, занимайся делом...» В сварах и убогих тапках воспитаний нет никакой педагогики, а только бессилье разбираться в душевной жизни переходного возраста, бессилье и боязнь, легко распознаваемых школьниками страх не за себя, а за себя, в лучшем случае за ложно понятую честь школы, а там хоть трава не расти.

нечно, поступает плохо, нечестно; а все-таки надо взять под сомнение и отповскую позицию: что, если отношения девятиклассницы с юношей — не одно легкомысленное кокетство? «Не смеете создавать впечатление безразличности...» — думает за Верочку учительница. — Не смеете ставить «или» между моим серьезным чувством и моими успехами в учении...» И в самом деле, как часто люди, развалив доводы «оберегающего воздействия», справедливо толкуют о том, что не надо давать во имя золотой медали, как не надо увлекаться «чуждыми вещами», а не догадываются заговорить и о том, как само твоё чувство, большое и глубокое, может стать еще больше и глубже от полноты ваших общественных жизненных успехов; как во имя самого чувства нельзя сдаться позиции в школе, в жизни.

И вот где-то в уголке, в школьном коридоре, идет беседа учительницы с Верочкой. Неужели же трудно понять, что девчушка не лжет, говорит то, что чувствует: здесь не полный флирт с этим юношей ей интересно, в их отношениях растет взаимная требовательность, ведутся горячие споры о жизни. Осторожно, чтобы не обидеть, учительница спрашивает все-таки: «А если по правде, не мешает ли твоё увлечение учиться?» «Ой, что вы!..»

И сейчас испытываю такой душевный подъем. Мне стыдно теперь получить тройку, стыдно прийти и сказать — я троешница». «Почему же не объяснять этого отцу?» — «Ой, что вы!..»

Да, дедает вывод учительница, искренность в этой семье, видимо, наказывалась не раз! И, видимо, девушка привыкла к тому, что в глазах отца товарищ-комсомолец — не товарищ, а какое-то запретное существо.

Ежедневно в тысячах школ нашей Родины идут полные доверия беседы юношей и девушек со своими учителями. Иногда это настоящие исповеди. В душевных переживаниях этой поры вся чуждость настояще: никакая ложь негерничает. Особенно не прощают уважаемому человеку, каким всегда считается любящий учитель. Ему не прощают ни пейтральных слов, ни холодного диалекта. «Про Олега-то Ковалева и все понимаю, а вот мне самому-то что делать?» Нет бодер тяжкого проступка в этипе педагога, как злоупотребить доверием и разболтать доверенную тайну, выдать хотя бы намек, в классе. И нет ничего оскорбительнее для юности, когда тайна первого чувства при содействии педагога низводится к чему-то смешному, публичному, пред-

стается умнее. Тот, кто так поступает, именно он — прямой союзник пошлости. Но хорошие, с умом и сердцем, учителя знают, чем отличается душевный разговор от допроса. Хотя кто-то, а уж они умеют применить и суровый тон.

И плохую отметку, если она действительно получена вследствие полных проглов, и отход от общественной жизни — все отрицательные признаки завязавшейся между юношей и девушкой дружбы они берут под свое наблюдение. Они следуют марксовскому принципу: «как можно больше уважения к человеку и как можно больше требований к нему».

Думаю, что из всех моральных приобретений, какие способна дать человеку наша советская юность, самое важное — это умение отличать настоящее от поддельного.

Очень важно уметь безошибочно отличать словесные традиции от словесной рутине. Дело тонко чувствования, где кончается высокое исполнение долга и начинается холодный и бессмысленный педантизм. Смертный грех на совести того педагога, кто со школьной скамьи натаскивает человека на формализм. Формальная дисциплина, формальная честность, формальная скромность, формальная деятельность — так, конечно, проще по сумме формальных признаков определять лучших.

Каза ть ся, а не быть — к этому можно приспособиться на всю жизнь еще и в школе, был бы только благоприятный казенно-равнодушный порядок. Казаться дисциплинированным, чтобы избежать внимания. Ограничить свой интерес в предмете пределами заданного «от сих до сих», чтобы получить пятерку. Выполнять комсомольские поручения, равнодушно взирая, как пассивно коллектив. И, кстати, в старших классах так «организовывать свой роман», чтобы не вызвать лишнего разговора.

На каждом шагу перед учителем встают большие и малые педагогические задачи, в которых надо уметь отличать настоящее, серьезное, высокое — от пошлого, низкого, мутного.

Вот близится новогодний вечер. Девочки в своей школе украшают елку игрушками, свечками и только до верхушки не могут достать, а туза нужно серебряную звезду. Приходит: «Нам не дотянуться». «Что ж, попроси завхоза», — предлагает учительница. Смущенное молчание и потом — негромко: «Нет, мы хотим позвать мальчиков...» «Нет, же это такое? Естественное влечение к хорошему товариществу или «нездоровый интерес»? Скажите ли: «Очень правильно придумали, девочки!» или обидеть с пристрастием на школьном совете?

СПРАВЕДЛИВАЯ ОБИДА САБИРЫ БАЕТОВОЙ

У колхозницы Сабиря Баетовой хватает забот и в поле и дома. В поле она ухаживает за свежкой, а дома ее всегда с нетерпением ждут трехлетний Ахжол и пятилетняя Джумабюю. Колхозница Сабиря Баетова — мать. В сожалению, руководители колхоза об этом нередко забывают.

Утром, перед тем как отправиться в поле, Сабиря решает сложный вопрос: куда деть малышей? Летом их можно было оставить на детской площадке, хотя там и неуютно, и скучно, и кормят неважно; если площадка почему-либо оказывалась на замке, можно было взять малышей и с собой, в поле. А сейчас? На работу не возьмешь, а площадка закрыта...

Сегодня заперла обоях в комнате, — волнуясь, рассказывает Сабиря. — До работы ли тут, если душа изоболелась за ребят... Айчурек! — обращается она к зньенной. — Не могу я больше, отпусти домой!...

Что ж, иди, — соглашается Айчурек Бекмазова. Она тоже мать, и у нее остались дома дети, счастливо, постарайся; ей понятно состояние Сабиря.

В том же доме работает Сабиря Момбаева. Ее муж Бериккул, инвалид Отечественной войны, с утра отправляется в колхозную конюшню, он — конюх, старшие девочки Дамира и Хамитя бегут в школу, и только маленький Канарбек остается дома под замком.

Заблывая и ко мне, Сабиря, — просят Момбаева подружку, — посмотри, как там сын...

Далеко не все матери, а их в колхозе сотни, решаются оставить детей без присмотра. Не потому ли сегодня вышло на работу всего лишь восемь колхозниц? Пусть это не единственная причина, есть, конечно, и другие. Но есть, к сожалению, и эта — невнимание к женщине, о которой так часто говорят (и правильно говорят!), что она в колхозе — большая сила.

Самоотверженно трудится большинство колхозниц. Но женщины часто стесняются заглянуть к ним в поле ни председателю колхоза, ни секретарю партбюро. Никто не желает поговорить с женщинами-матерями, выслушать их нужды, помочь.

Хоть бы словами утешили, — и того не дожидаясь, — с горечью и обидой произносит Марфа Ефимовна Бородина, муж которой погиб в боях с врагами нашей Родины.

Поздней осенью, когда мы попали на хлопковые плантации колхоза имени Кагановича в Петровском районе, зяено Анны Григорьевны Гамалей заканчивало сбор урожая. План зяено выполняло, но в поле не должно остаться ни единой корочкой — таково благородное стремление колхозниц. Конечно, и здесь трудится матери. Заботы у них те же — детская площадка закрыта... Дружное зяено нашло выход из положения: собираясь на работу в поле, колхозницы ведут детей к тем из своих товарищей, у кого дома есть старики.

А вот рядом, за полотно железной дороги, на плантациях колхоза имени Ленина, хлопок еще не был собран и наползну. Но колхозницы мы застали дома. Побывав у многих, и все встречали нас в окружении малышей! Давно уже в колхозе не работает детская площадка, и в самое напряженное время уборки хлопка около восьмидесяти матерей были лишены возможности освободиться от забот о детях.

Многочисленные жалобы колхозниц на отсутствие детских учреждений напомнили мне, как однажды летом я застал заместителя председателя Исык-Кульского областного ЦО, Чертова за ключиком работы. В кабинет один за другим вызывались руководители предприятий и учреждений города Пржевальска и получали строгие

предписания: немедленно послать в такой-то колхоз столько-то людей. Разумеется, руководители пытались сопротивляться: у них, мол, государственный план, кто его будет выполнять? Но обисполком в лице тов. Чертова был неуломим: колхозы не спрашивались с планом заготовки кормов, надо было помочь им. И вот в крупный колхоз посылаются бригада рабочих и служащих в 10—20 человек. А в то же время, скажем, в колхозе имени Ворошилова, где я только что был, более ста женщин не работали в поле по очень простой причине — у них на руках дети, а колхозные ясли закрыты.

Обо всем этом, и в первую очередь о справедливых обидах Сабиря Баетовой, ее подружки, матери-колхозниц, я рассказал при случае секретарю Ворошиловского района партии Ф. Косаченко. Нашу беседу с Федором Федоровичем неспешно прерывали телефонные звонки. В районе туго шла зяельная пахота, и к секретарю райкома из колхозов и тракторных бригад по ниточкам проводов стекались просьбы и жалобы. Да, много, очень много хлопот у секретаря райкома.

А вот насчет детских площадок, — делится своими думами Федор Федорович, — только и вспомнишь, как увидишь детшек где-нибудь в пыли под навесом да какую-нибудь старорежимную бабку с востром на груди, приставленную к ним воспитательницей. Не занимаемся, — что верно, то верно!.. Как-то на одном из заседаний в области обсуждался сельскохозяйственный вопрос, внес я предложение: записать в постановление насчет колхозных детских площадок. Заулыбались товарищи: мол, с детским вопросом высочил! Тут уборка, а он...

Но только ли незададливые руководители некоторых колхозов, местных Советов, областных организаций не понимают общественной необходимости иметь в каждом селе постоянные детские сады и ясли?

В Министерстве сельского хозяйства Кыргызии и вовсе нет представления о том, сколько в колхозах республикане нужно открыть детских площадок и яслей, какой из этого потребуются инвентарь и оборудование. Никто в министерстве не несет ответственности за работу детских учреждений в колхозах.

Министерство здравоохранения несудливо время от времени посылает в зерновые районы проверять работу медицинских учреждений, а заодно — колхозных площадок и яслей. Акт и докладные записки фиксируют десятки случаев недопустимого пренебрежения к интересам матерей-колхозниц, но тревожные сигналы не привлекают до сих пор внимания министра.

В начале минувшего года Совет Министров Кыргызской ССР принял постановление об организации и строительстве детских яслей и садов в колхозах республикане. Ко многим обязавало оно и министра сельского хозяйства Т. Исакова, и министра здравоохранения Ф. Пургазиеву, и председателей областных, районных и сельских Советов, и даже руководителей сельской кооперации. Но постановление осталось хорошим пожеланием — оно не выполнялось.

Сейчас, зимой, начинается колхозное сево зяено трудную и благородную борьбу за урожай будущего года. Имешо теперь, за год, местные государственные органы должны позаботиться о том, чтобы женщины-колхозницы в первый весенний день могли выйти в поле с легкой душой и работать без тревоги об оставшихся дома детях.

М. АКСАКОВ, собственный корреспондент «Литературной газеты»

Фрунзенская область.

БОЛЬШЕ ХОРОШИХ ПЬЕС!

Пленум правления Союза советских писателей Белоруссии

28—29 декабря в Минске состоялся VI пленум правления Союза советских писателей БССР, посвященный созданию и задачам белорусской драматургии. Открытый пленум, председателем правления Союза советских писателей БССР П. Бровка говорил, что за последнее время в белорусской драматургии намечаются некоторые изменения. В новых пьесах К. Брагиня, А. Макайка, В. Полесского, В. Витки, А. Кучара, К. Губаревича и других писателей нашло отражение жизнь белорусского рабочего класса, колхозного крестьянства, интеллигенции. В драматургию пришли новые, молодые авторы. Однако белорусская драматургия продолжает оставаться отребованным народом. В некоторых пьесах еще нет больших обобщений, ярких и сильных характеров, острых конфликтов.

Выступавшие на пленуме писатели и критики, деятели театра и кино отмечали, что решения пятой сессии Верховного Совета СССР и сентябрьского Пленума ЦК КПСС выдвигают перед отрядами белорусских писателей, как и перед всей советской литературой, большие и ответственные задачи. Белорусские писатели обязаны глубже проникнуться интересами народа, внимательно изучать жизнь, создавать больше произведений, которые обогатили бы репертуар советского театра.

Сейчас еще нередко новые пьесы белорусских драматургов, выходя из пера, сходят со сцены. Министр культуры БССР Г. Киселев рассказал участникам пленума, что из 89 спектаклей, поставленных в 1952—1953 гг. в шести театрах республики, 21 не продержался и года. В неуспешных спектаклях часто виновны сами драматурги. Анализировав в своем докладе некоторые пьесы, драматург А. Макайка говорил, что они написаны без достаточного мастерства, без страсти, без глубокого знания жизни. Их герои мало волнуют зрителя. Холодный рационализм здесь преобладает над истинным чувством, и поэтому сами пьесы больше походят на путеводитель, чем на художественное произведение. Бывает, не продуман авторский замысел.

Конкретные замечания о новых произведениях белорусской драматургии сделали и другие участники пленума. Драматург Н. Крапива, подробно говоривший о задачах драматургического творчества, о природе драматургического конфликта и, в частности, конфликта сатирического характера, возлагая работу драматургов А. Кучара, К. Губаревича, критик В. Пименов (Москва), отмечая положительные стороны пьес «Зантересованное лицо» К. Крапивы, «Что посеешь, то и пожнешь» В. Полесского, «Простая девушка» К. Губаревича, «Завинтите, пожалуйста» А. Макайка, говорил, что черная сюжеты и темы в жизни сегодняшней действительности, писатели не всегда глубоко обобщают явления жизни.

Большое внимание на пленуме было уделено взаимоотношениям театров с драматургами, говорилось о необходимости повысить ответственность драматурга за свой творческий труд. Главный режиссер русского драматического театра В. Федоров справедливо напомнил, что драматург всегда влиял на творчество актера. Островский воспитал блестящую плеяду мастеров Малого театра. В сотрудничестве с Чеховым и Горьким создавал Станиславский Художественный театр. В Федоров призывал вернуть драматургу принадлежавшую ему по праву роль первого мастера театра. А для этого нужно, чтобы автор приносил в театр готовые драматические произведения, а не полуфабрикаты.

Но значит ли это, что театр должен отказываться от талантливого произведения, если оно пошло в его руки не вполне завершенным? Возражая против такой постановки вопроса, директор Литбю-

ского драматического театра имени Якуба Коласа И. Дорский говорил, что театр должен верить в драматурга, кое-что подсказать ему, но не вести за руку, как школьника. Доверие, помощь, взаимное уважение, чуткость театра и чуткость писателя — вот основа совместной работы.

В союзнцию, некоторая разобщенность между драматургами и театрами еще продолжает существовать. Не случайно на пленуме так мало присутствовало творческих работников театров. Во многом были справедливы и упрёки, высказанные в адрес театров драматургом В. Ельским и другим участниками пленума. Некоторые работники театров рассуждают так: писать, а мы еще полагали, что у вас получится. Но разве не легче писать драматургу, когда он ощущает поддержку театра? Или разве правильно, что театры в поисках «неких гарантий» ждут, когда пьеса пройдет в Москве, и только после этого ставят ее сами.

Многие белорусские драматурги — литературные новобранцы, как говорил на пленуме драматург К. Губаревич. Они обратились к этому жанру после войны, только что стартовали, но уже позволяют себе по 2—3 года ничего не писать. А разве допустимо, спрашивает К. Губаревич, что литературное творчество у драматургов старшего поколения не стало основным пафосом жизни, что они перегружены многими обязанностями и вынуждены брать отпуск от других работ, чтобы закончить новую пьесу?

О необходимости глубже изучать жизнь говорил главный режиссер Витебского драматического театра А. Скинбаский. Он подчеркивал, что многие пьесы живут короткой сценической жизнью потому, что драматурги подменяют глубокую проблематику мелкой злободневностью, не заглядывают вперед, решают вопросы, давно уже решенные народом. И не случайно, конечно, такие пьесы-однодневки быстро сходят со сцены.

О новых темах и образах, которые встают перед драматургами после сентябрьского Пленума ЦК КПСС, говорил драматург М. Климович. — Одна из таких тем — жизнь и труд людей, уехавших на постоянную работу в колхозы и МТС. Много внимания пленум уделил состоянию театральной критики. Драматурги Е. Романович, М. Мельников и другие говорили, что статьи в газете «Литература и искусство», да и в других газетах и журналах нередко поверхностны, отмечены печатью вкусовщины.

В прениях также выступили критики А. Есакан и В. Нефед, киорежиссер А. Садкович, драматург Б. Чирсов (Ленинград). Представитель республиканского Дома народного творчества И. Стешин говорил об острой потребности в хороших одноклассниках для театральной самодеятельности. Начальник сценарного отдела минской киностудии М. Блистин посвятил свое выступление вопросам кинодраматургии. Ряд критических замечаний высказал завучий отдел ЦК КП Белоруссии К. Буслев. Он отметил, что в белорусской драматургии создано еще мало ярких пьес о рабочем классе и колхозном крестьянстве, упрёком участникам пленума за некоторую самоуспокоенность, прозвучавшую как в докладах, так и в речах ряда ораторов.

На заключительном заседании было принято решение о созыве в сентябре 1954 года третьего съезда советских писателей Белоруссии.

В конце заседания с речью о задачах советских писателей в связи с предстоящим II Всесоюзным съездом советских писателей выступил первый секретарь правления ЦК КП Белоруссии А. Сурнов.

В работе пленума принял участие секретарь ЦК КП Белоруссии Т. Горбунов.

МИНСК. Спец. корр. «Литературной газеты»

МАЛЕНЬКИЙ ФЕЛЬЕТОН

Смех и слезы

— За вас, мой друг! За ваш успех. Без огорчений, без помех! Слеза зволнованно сказала.

Раздался тонкий звон бокала. — Благодарю! — ответил Смех. — Я долго слышал лишь придири. Все.

даже рыжий клоун в цирке, И тот, в конце концов, меня Боятся начал, как огня. И, срыв метровые штилеты, Устал переключаясь в куплеты Цитатный вихор из газет...

Был художеством труд потрачен На то, чтоб стал я худ и мрачен. Но обо мне вопрос решен. Вернее, он почти улажен. Еще не очень я силен. Еще я короткометражен. Но прибрести не хочу, Я кое-где уже звучу. А вы, Слеза?.. Где вы?

Обидно! Вас до сих пор нигде не видно! Ну, разве это не смешно. Что вас боится почему-то? Что вы ни в пьесах, ни в кино Найти не можете приноста? Иную пьеску поглядите! В двух первых актах — глядь да тишь, А в третьем акте — тишь да глядь, Вот и попрыбуй зарыльте! Тут правды нету даже грамма... А где трагедия?

Где драма, Такая, чтобы в ней кипела, Как лавы, страсть, чтоб вы, Слеза, У самых черствых, то и дело, Наверывались на глаза, Сморзел, как сморчит он «Грозю», И утирал бы вас, Слезу?

Я — Смех, я не сентиментаен, Но ваш удел пока печален, И я приветствую всерьез Всех мастеров стихов и прозы. Что вызывать умеют слезы... Ну, и, конечно, смех до слез...

Рассвет над городом вставал... Раздался тонкий звон бокала. — Благодарю! — Слеза сказала И осушила свой бокал. И тут же, не издав ни звука, На них, тайком, из-за угла, Как на врагов, взглянула Скука. Зевнула.

и ушла. Вл. МАСС и Мих. ЧЕРВИНСКИЙ

Новая книга альманаха «Год 36-й»

Вышла из печати и рассылается подписчикам пятнадцатая книга (третья за 1953 год) литературно-художественного альманаха «Год 36-й».

Она открывается очерками Б. Галина «Ижемыры», в которых рассказывается об инженерах-конструкторах патентных работников и шахтеров-добросовестных, создавших угольный комбайн. В очерке «На калужской стороне» А. Беляничев показывает жизнь одного калужского колхоза, которым уже несколько лет руководит агроном. Основная тема повести Н. Давыловой «Будни и праздники» — жизнь и труд врачей районной больницы.

В альманахе опубликованы рассказы Т. Тэсс «Дальняя дорога», Б. Зубина «Начало» и «Китайские рассказы» В. Коженникова.

Поэзия представлена стихами Н. Сидоренко, Я. Хелемского, Н. Краснова. В разделе «Знакомые новаторы» выступают со своими воспоминаниями товарищ В. Колосов. Капитан-директор киностудии флотилии «Слава» А. Соляник рассказывает о седьмом рейсе киностудии флотилии в Антарктику.

Взаимным уважением. Седьмой класс, десятый класс — в с е р а з и о... И в каждом классе — тоже все непохожее, разное. Надо сдерживать это чувство, когда язык его отрицательные проявления — от самых невинных — неприготовленного урока, и до самых порой трагических — раннего необдуманного брака, неправильных, ломающих жизнь ошибок. И надо в то же время — с помощью этого чувства развешивать в человеке все лучшее, что есть в нем! Придать этому чувству деятельный характер. Пусть становится честнее, смелее, сильнее. Пусть вместе преодолевают трудности учения. Пусть умеют помочь в горе. Пусть умеют осудить слабость. Работа талантливого воспитателя и состоит в том, чтобы со всей деликатностью старшего друга и совсем ненавязчиво вывести, вернуть, помочь выйти этому чувству из состояния нежной слабости, из изысканий игры воображения, из авторитетности.

Так, чтобы было — по Маяковскому! Ведь нет лучших строк о любви:

Любить — это значит: в глубь двора вбежать и до ночи грачей, блестя топором, рубить дрова, силой своей играючи.

О чем же эти заметки? О настоящих интересах юности?

«Настоящие интересы юности — это учение», — скажут некоторые, считая, что исчерпаны вопросы.

Мысль бесспорна! Но ее надо дополнить: да, прежде всего огромный мир знаний, который открывает перед молодежью школьная программа. Но есть и еще настоящие интересы в школьные годы: и комсомольский общественный порыв, и увлечение книгами, и любовь к песне, и искусство, спорт, природа, и жизнь родной семьи, и друзья сверстников.

Каждый из этих настоящих интересов может быть погашен пошлым побоем, если он не будет верно направлен. Интерес к овладению знанием может превратиться в расчетливое добывание информации. Интерес к музыке — в обожание тенора. Интерес к спорту — в нездоровый ажиотаж «бодельника». И ясная дружба-любовь... Но об этом-то и сказано выше.

Если это факт, что такие интересы существуют, — школа не может считать их «техническим делом». Школа должна оберегать все, что обогащает, открывает юности.

Заметки о поэзии 1953 года

Степан ШИПАЧЕВ

При обсуждении итогов минувшего поэтического года, вероятно, многие будут, как обычно, говорить о том, что этот год в поэзии был «неурожайным», что мало появилось интересных вещей. Однако, начиная эти заметки о поэзии минувшего года, я несколько забываю все те годовые обзоры поэзии, какие мне довелось читать или слушать на протяжении моей литературной жизни. Насколько я помню, во всех этих обзорах, как правило, говорилось или о бедности или об отставании поэзии. Даже в том году, когда появилась поэма Маяковского «Хорошо!», некоторые критики писали о кризисе советской поэзии. Такого рода примеров было немало и в более далекие времена.

Передо мною лежит альманах «Северные цветы», вышедший в декабре 1953 года. Он открывает большую статью «Обзор российской словесности за 1953 год». В первом же абзаце этой статьи читаем: «Давно уже мы слышим упрёки чистого словесности за ее скудость». И это писалось тогда, когда Пушкин был в самом расцвете творческих сил, писалось в том же самом номере альманаха, где были опубликованы «Граф Нулин» и отрывки из «Бориса Годунова»...

И сегодня некоторые критики, промывая журнальный песок, в своем усердии часто не замечают крупинки чистого золота в поэзии.

Однако мы ни в какой мере не хотим сравнивать успехи нашей поэзии прошлого года с теми успехами, которых достигла поэзия Пушкина или Маяковского.

Я совершенно согласен с той высокой оценкой, какая была дана в печати главам из поэмы А. Твардовского «За далью — даль». Мне кажется, что даже если эти главы, свидетельствующие о широком охвате жизни, о тонкой наблюдательности, о глубоком самораскрытии автора, не дают основание говорить об отдельных успехах нашей поэзии.

Есть бесспорные удачи и у других поэтов. Правда, трудно назвать какое-нибудь произведение, которое можно было бы равнять с поэмой Твардовского. Но если даже говорить о стихотворных сборниках, вышедших только в Москве, и о стихах, появившихся в толстых журналах за прошлый год, можно отметить немало настоящего интересного.

В 1953 году нас порадовали своими сборниками и молодые поэты.

Хорошее впечатление производит сборник Константина Ваншенкина «Лирические стихи»: многое в нем волнует неординарными находками, смелыми поворотами мысли, серьезностью интонации. Читая эти стихи, чувствуешь индивидуальность поэта.

В книге Владимира Солухина «Дождь в степи» следует отметить такие стихи, как «Из весеннего дневника», «Мой блокнот», «На охоте», «Дуют метели, дуют...».

Несмотря на то, что его стихи еще страдают некоторой книжностью и в них слышатся порой чужие интонации, книга радует разнообразием жизненных наблюдений и богатством красок.

Заслуживает внимания новый сборник Вл. Федорова «Любовь моя»; особенно интересна в нем небольшая поэма, название которой дано и сборнику. В ней автор со сдержанным волнением и искренним лиризмом, пользуясь естественным ритмическим рисунком, рассказывает об одной любви.

Хочется поздравить В. Соколова с его первой книгой «Утро в пути», свидетельствующей о несомненном таланте. В небольшом сборнике мы найдем замечательные стихи о труде, о природе, о любви, о том поколении, которое вместе с автором перед началом войны кончало четвертый класс. Многие поэты писали о мире; казалось бы, трудно сказать об этом так, чтобы не повторять кого-нибудь, но Соколов и здесь нашел живые, убедительные, свои слова.

Мне нужны глаза мои и руки — Листья видеть, собирать станики. Мерить взглядом новых рек излучки, На дома глядеть из-под руки.

Мне нужны утра мои и ночи, Вечера нужны мои и дни, Потому что, человек рабочий, Знаю я, чем дорожию они.

Потому, что сильными руками Должен я моря в бетон одеть. Потому, что честными глазами Должен я в глаза друзей глядеть...

...Молоток монтажных перестукки, Не боев, а созидания звуки. К киринку, к перу, к зерну тынсу! Но, умело взяв винтовку в руки, Я, прищурив глаз, не промахнусь!

Но именно потому, что Соколов — поэт одаренный, особенно досадно видеть в его стихах утилитарные дилеттанты. Чувствуется также бедность жизненных впечатлений: то, что навеяно воспоминаниями детства, отражено бледнее, порой даже соскальзывает на риторичку.

В толстых журналах за этот год напечатано много серьезных, невыразительных стихов; но даже при самом строгом подходе можно рядом с ними найти настоящие.

волнующие стихотворения. К таким относятся опубликованные в журнале «Знамя» стихи О. Берггольц: «Песня о «Ване-коммунисте», «В доме Павлова», М. Матусовского «Гроза над Сталинградом»; в «Октябре» напечатано превосходное стихотворение С. Орлова «Воспоминание», стихотворения В. Луговского «Вечер», Е. Дубровина «Наш седой старшина», Е. Ештушеню «Сегодня мне — двадцать»; в «Новом мире», кроме глав из поэмы А. Твардовского, следует отметить стихотворения Маргариты Алигер «Перед зарей», Н. Заболоцкого «Отклик со дна шевелювы...», Вл. Семкина «Ужуха я мстами родными».

Хорошо прозвучали на страницах «Правды» стихотворение о Ленине Веры Инбер, «Вступление в поэму» М. Луконина. Многих глубоко взволновали произвольные стихи С. Гуденко, полные боли и мужества. Я имею в виду его три стихотворения (опубликованные в «Литературной газете»), которые были написаны поэтом незадолго до смерти.

Я не касаюсь поэзии братских народов, это было бы мне не под силу, но не могу удержаться, чтобы не сказать несколько добрых слов о главах из калужской повести в стихах татарского поэта Сатых Баттала, превосходно переведенных Н. Грюнвальдом и С. Липкиным. Сколько в этих главах живой, подлинной поэзии, мягкого юмора, улыбки к труженикам калужской деревни! Улыбки поэту и сатирическому месту. Не сомневаюсь, что эти главы доставят большую радость читателям.

Разумеется, этим довольно скудным перечнем хороших стихов поэтического учения минувшего года не исчерпываются. Я не имел возможности привлечь к разбору все сборники стихов, вышедшие в прошлом году в московских и областных издательствах, не касался стихов, опубликованных в тонких журналах и областных альманахах.

Однако поговорим о недостатках. Пало прямо сказать, что, несмотря на отдельные более или менее значительные успехи, состояние поэзии далеко не отвечает требованиям народа. Я не останавливаясь на плохих, серых стихах, их обобщающих, легко. Читая, например, об ученике ремесленного училища такие строчки, можно сразу понять, что никакой поэзии тут нет:

Плановый подползт ближе, На станок его глядит: — Из РУ пришел, как вижу! — Говорит.

Как бы тут чего не вышло, Молод, что ни говори, И соседу: «Дядя Гриша, Почем ты?» — Дядя Гриша озобочек: — Хоть на части разорюсь! — А панчишка, знай, все точит. Угонись!

...Учылнулся, словно сну: Мне такое по нутру! Случу видю молодичну — Из РУ.

Редакция «Октября», очевидно, подкупила тема стихотворения. А то, что оно в художественном отношении беспомощно, видно, никого в редакции не смутило.

Такие стихи, к сожалению, еще попадают на страницы журналов, но тревожатся за поэзию заставляют не они, а те стихи, в которых есть все: крепко сделана строфа, хорошая рифмовка, эффектные образы, даже порою некоторый блеск профессионального мастера, нет только одно — волнения, беспокойства мысли. Такие стихи, при некоторых своих достоинствах, оставляют читателя равнодушным. Типичной для такого рода стихов, мне кажется, является поэма Михаила Лудина «Арвора». Об этом можно судить даже по небольшой цитате:

В неярком переблеске Ночных костров маячили круги. И от заставы по Морской на Невский Путиловым печатали шаги.

На каждый дом нащелывая взгляд свой, Приказу революции верны, Шли от Московской с Нарвской с Петроградской И с Выборгской рабочей стороны.

Стекались вместе. Строй равняли плотный, Седые командиры впереди, С винтовкой на плече и с пулеметной Перекрещенной лентой на груди.

Гул нарастал тревожно, глуховато. Приказ о штурме каждому запал. Был этот миг, как бомба, как граната. — Готов срывать вставленный запал.

Не останавливаясь на разборе таких холодных рифмованных реляций, хочется коротко сказать об общих недостатках поэзии.

Прежде всего поражает в стихах — и старых и, в сожалею, молодых поэтов — однообразие форм. Как будто в нашей поэзии не было великого Маяковского, как будто нас никогда не пленяли обаятельные ритмы ранних стихов Тихонова, как будто мы никогда не задумывались над многообразной строфикой Лермонтова!

Не слышим ли мы канонизируются некоторые привычные формы? Мне кажется: любая форма, любые изобразительные средства хороши, если поэт достигает при этом абсолютной убедительности, правдивости и высокой простоты. Но всякая форма терпит смысл и становится чистейшим формализмом, если она придушивается только ради формы, если поэт прикрывает внешним блеском стиха свое душевное убожество, свою бедность, незнание жизни. Формализм и мастерство никогда не имели ничего общего; наоборот, они всегда были враждебны друг другу. В подлинном искусстве новая форма не придумывается; она подсказывается самой жизнью. Давно забыты высказанные из палаты футуристские «дзыр бул дыр». Но зато какие просторы открывает советской поэзии новаторство Маяковского! И как мало мы эти богатства используем!

Мало в нашей поэзии и жанрового разнообразия. Почти совершенно исчезли в стихах мотивы раздумий. А кому не ясно: если бы поэты не знали тревоги и радости раздумий, мы никогда бы не прочитали чарующего стихотворения «Выхожу один я на дорогу», поэзия была бы лишена многих шедевров.

Далеко не все благополучно и в любовной лирике. Нельзя сказать, чтобы в минувшем году тема любви была совершенно обойдена. Мы прочитали темпераментное стихотворение О. Берггольц «На писем с дороги», стихи М. Алигер, можно сказать на те же стихи С. Гуденко, но большинство стихотворений на эту тему, напечатанных в 1953 году, и не поражают и не возмущают читателя. Чем, например, может завлечь такое стихотворение К. Ваншенкина:

В ноябре, к снегам-морозам, Мы с женою сына ждем. Личным, в сущности, вопросом Занят весь огромный дом.

От игрушки, от коляски Все соседки без ума: «Боже мой, какой окраски И какая бахрома!»

Я хочу, конечно, сына, Но однажды слышу я: «Если дочка, то Галина», — Говорит жена моя.

Я молчу, молчу тревожно — Что тут будешь говорить? — И курю, покаду можно В нашей комнате курить.

После превосходной поэмы Вадима Стрельченко «Валентин», в которой эта тема была поднята до большого философского и политического обобщения, после интересного стихотворения Н. Доризо «Стихи о сыне» стихотворение К. Ваншенкина выглядит просто бытовой зарисовкой. У К. Ваншенкина мы знаем немало превосходных, талантливых стихотворений, но некоторые его стихи, опубликованные в этом году, вялы и бесцветны, и даже задушевность интонации, присущая автору, не всегда помогает им.

Нельзя умолчать еще об одном общем недостатке нашей поэзии, и самом серьезном. Истекший год был годом великих событий, исторических решений нашей партии и правительства, совершающих огромные сдвиги во всей жизни народа. Все силы партии и народа направлены на выполнение этих решений. А в поэзии нашей не только не чувствуется заметного подъема боевого гражданского духа, а, напротив, приходится отмечать некоторый его спад.

Мало в прошлом году было напечатано хороших публицистических стихов. То, что печатается в газетах, за некоторым исключением, является трескучей риторикой, общей прописью или плохо сложенной рифмованной прозой, что отбивает охоту читать стихи.

Настоящая поэтическая публицистика можно, пожалуй, назвать лишь стихотворение К. Симонова «Господом моралистам», опубликованное в «Правде». Оно действительно проникнуто подлинным волнением и темпераментом; за это ему прощались даже некоторые замешательные чужой формы.

Ничем особенным не проявили себя в 1953 году поэты-сатирики. Заметно общее охлаждение и на этом фронте, но слово сатиры не стало пока еще грозным оружием. Бюрократов и перестраховщиков, лодырей и подхалимов оно не лишает спокойного сна.

Если вдаваться в решения сентябрьского Пленума ЦК нашей партии, нетрудно будет понять, что партия этими решениями — хотя в них много ничего от этого не сказано — еще раз напоминает писателям, что они должны не только изображать жизнь, но активно вмешиваться в нее. Этого нельзя забывать. В этом залог творческого успеха.

Досужие Вывислы

Издательство «Советский писатель» недавно выпустило роман казахского писателя Сабита Муканова «Сыр-Дарья». Я не литературный критик и не пытаюсь давать общую оценку достоинств романа, но решительно могу прийти мимо паразитических нелепостей, которые автор рассказывает о животных.

Так, на стр. 112 мы читаем красочное описание охоты на пеликана (по-казахски — бир-казан) за змеянка: «Видя змею, он бежит за него и догоняет, наступая ей на шею плоской красной лапкой и начинает глотать ее с головы... Порою змея оказывается слишком длинной, и тогда птица важно присаживается с торчащим из ее клюва змеиным хвостом». Но даже школьник извещает, что пеликаны — доводящие птицы, питающиеся рыбой. Змеи они не едят, за ним не бегают.

На той же странице романа мы узнаем, что в Кызыл-Кумам живет удивительное животное — «келес»: «Лина ее метра полтора, спина покрыта панцирем (подчеркнуто здесь и дальше нами. — В. Ц.), из-под которого выглядывают тонкие длинные ноги. Когда келес бежит, донять ее можно только на коню — и притом на хромом. Наступая, она останавливается, принимает угрожающую позу и издает резкий, громкий и очень неприятный по звуку свист... Свист — единственная ее защита, кроме панциря, в который она втягивает голо-

ву, — тогда ее можно бить дубиной, не причиняя никакого вреда».

Такого животного вообще нет. Сабит Муканов взял одни черты — от черепахи, другие — от крупной ящерицы, так называемого серого варана, смешал вместе, приурочил, чтобы было пострашнее, и обогатил фауну Кызыл-Кумов новым оригинальным видом.

Находим мы в романе и «развернутое» сообщение о хищном насекомом — богомоле, який тауе: «Тауэ — смертельный враг змей. Заметив змею, он прыгает к ее голове и своими клешнями выхватывает ей глаза, никогда не делая при этом промаха». Все это — сплошная выдумка: богомол питается исключительно насекомыми. Но о способности тауэ вырывать змеям глаза известно, оказывается, не только автору, но и ласточкам: «Поразительно, что ласточка знает об этом свойстве тауэ... Очень часто у ласточкиного гнезда находят тауэ, привязанного за ногу конским волосом. Ласточка заболела горлом своего сторожа, приносит ему вместе с пищей для птенцов маленьких насекомых... А когда птенчики подрастают и начинают летать, ласточка освобождает тауэ. Весь этот вымысел заимствован, вероятно, из местных суеверий и другие предания фауны». На стр. 255 читатель найдет в арке сома, который пьет, шестия усы и выплевывая излишек воды, а на стр.

257 узнает, что «сом определяет вкус пищи не ртом, как человек, а желудком». Встречаемся мы и с птичкой, которая называется «сменюшная зюда». Помимо своеобразного проявления жизнерадостности, эта «хищная птица» замечательна еще и тем, что «любит гоняться за скворцами, однако никто еще не видел, чтобы она схватила хвост одного».

Многие герои романа — на редкость удивичные охотники. Один из них михоходо-одно убивает тигра («большой зарпостытаскивает из камышей «за передние лапы». Другой — «добрый убил кабан». Третий гонится за зайчарами-кинками на машине, то есть занимается одним из самых преступных видов браконьерства. Впрочем, увлекшись, автор рисует картины даже массового, организованного браконьерства: «Колхозники сами предложили собирать на озерах для строителей гусятин и утиные яйца, и Самаркан с удовольствием заключил договор на двадцать пять тысяч штук».

Прочтя роман «Сыр-Дарья», испытав такое чувство неуютности и за самого автора и за издательство «Советский писатель», которое выпустило книгу, не убрав из нее нелепостей.

В. АЛКИН,
доктор биологических наук

В одной из мужских школ не так давно комсомольский комитет собрался для обсуждения коллективного письма девушек-комсомолок из соседней школы. Пригласили директора. Все было ясно в сообщении, о ко-

